Праздники моей души

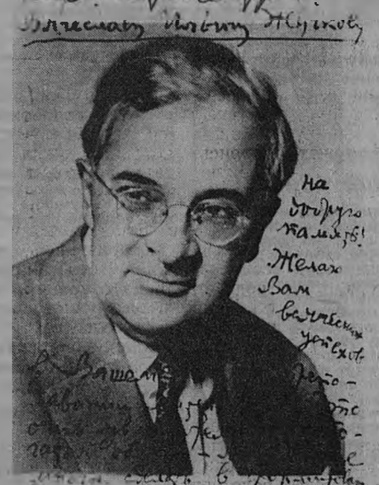
В первом номере за этот год («СК» от 5 января) мы опубликовали большое письмо В. Жучкова «Блудный сын русского балета» — о встречах автора с Александром Годуновым. И получили немало откликов.
В основном благодарных, так как о блистательном танцоре помнят, грустят. Но были и соображения общего плана: о цепочке «таланты—поклонники», о том, как завязываются такие отношения, какая им цена — ведь они, как правило, мимолетны. Один сердитый мужчина написал, что «охотиться за знаменитостями — удел юных и неразумных, им простительно, а взрослому человеку — зачем! Какой смысл!»
И словно в ответ — новое письмо из Нижнего Новгорода, опять от В. Жучкова. Воспоминания собирателя автографов.

Я видел этих актеров всего по одному разу, возможно, не в самые звездные их годы и не в самых лучших спектаклях. Но это были Мастера, Личности, подлинные русские Интеллигенты, и это притягивало к ним и на сцене, и в жизни.

Вспоминаю, как в начале шестидесятых годов к нам в Горький приезжал на гастроли Московский театр имени В. Маяковского. Целое созвездие талантов блистало тогда в его труппе. Но особой притягательной силой обладали имена Бабановой и Штрауха, которые тогда играли всего по одному спектаклю: Бабанова была занята в японской пьесе «Украденная жизнь», а Штраух — в брехтовской «Мамаше Кураж».

Впечатления мои были так сильны, что я решил написать этим актерам письма, где, кстати, высказал и просьбу о портрете с автографом. Очень скоро получил ответ: «Уважаемый товарищ Жучков! К сожалению, вы не написали мне вашего отчества! А без оного мне неудобно вам делать надпись. Сообщите, мне, пожалуйста, как звали вашего отца, и я с удовольствием выполню тогда вашу просьбу. М. Штраух».

Потрясенный такой доброжелательностью и столь высокой формой обращения народного артиста ко мне, рядовому зрителю, я немедленно ответил. Вскоре пришел конверт с фотографиями — М. М. Штрауха и его жены Ю. С. Глизер. Максим Максимович сделал надпись: «Вячеславу Ильичу Жучкову на добрую память! Желаю вам всяческих успехов в вашем деле — преподавании литературы. Это очень увлекательная и богатая область — вы можете многое сделать в формировании человеческих характеров. Всего вам доброго!!! Максим Штраух».



А Марии Ивановне Бабановой я послал не просто просьбу об автографе, а и ее фотографию в одной из самых знаменитых ролей — шекспировской Джульетты. В ответном письме Мария Ивановна меня же еще и благодарила: «Простите, ради бога, за задержку, ибо у меня самой не оказалось этого фото. Его украли в день юбилея, мне пришлось заказать дубликаты с вашего и только сегодня я смогла их получить и переслать вам. Бесконечно благодарю вас, Вячеслав, за эту дружескую услугу, и особенно за ваше отношение к моей скромной особе. С глубокой благодарностью и самым сердечным приветом. Мария Бабанова».

Никто из моих кумиров никогда не отмахнулся от меня, поклонника, не счел назойливым, наоборот! Ольга Николаевна Андровская написала: «Многоуважаемый Вячеслав Ильич! С удовольствием исполняю вашу просьбу и посылаю вам свою фотографию. Я не считаю ее удачной, но, к сожалению, у меня и дома нет ничего лучшего. Я давно не снималась, да, по правде сказать, не люблю сниматься.

Хочу поблагодарить вас за ваше внимание и отношение к моим, далеко не совершенным актерским творениям. Хочется мне верить, что в душе я тот истинный художник, для которого «мечта — всегда выше его творений!». 20 января — вместе со своими товарищами — я сыграла премьеру «Ревизора», над которой во главе с постановщиком Кедровым мы долго и очень серьезно работали. Спектакль прошел с большим успехом. Конечно, это была для всех нас большая радость, но все будем делать, чтобы спектакль креп и рос.

Желаю вам всего самого лучшего. Я ведь тоже, помимо актерской работы, занимаюсь педагогикой — преподаю в актерском вузе — в ГИТИСе и считаю эту профессию очень трудной.

С уважением Ольга Андровская».

А однажды я предпринял попытку «массового сбора» автографов. В моей библиотеке есть уникальная книга-альбом «Действующие лица» (изд. «Московский рабочий», 1958 год). Ее авторы, известные художники Борис Ефимов и Иосиф Игин, создали своеобразную энциклопедию «Театральная Москва в шаржах». В альбоме более 80 рисунков известных деятелей советского искусства, сопровождаемых остроумными эпиграммами поэтов-сатириков. Я и задался целью заполнить весь этот альбом автографами! На сегодняшний день, то есть почти через тридцать лет, моя задача выполнена лишь наполовину. «Иных уж нет, а те—далече...».

Но, листая страницы альбома, я вновь справляю праздники своей души, воскрешаю встречи, то мимолетные, то переросшие в длительную дружбу, взаимную приязнь.

Вот Эмиль Гилельс, недовольно посмотрев на рисунок, написал, как отрезал: «Это не я. Э. Гилельс. 29.10.61.».

Вера Петровна Марецкая была доброжелательна, и, прежде чем сделать надпись на портрете, выяснила, кто я, чем занимаюсь. Узнав, что я преподаю литературу, обратилась уже как к коллеге: «Желаю успеха в вашем благородном труде. «Сельская учительница» Вера Марецкая».

Еще одна знаменитая гастролерша, Клавдия Ивановна Шульженко, была явно недовольна и своим изображением, и сопровождающим его текстом. В сердцах исчеркала авторучкой свой портрет в альбоме и подписала: «Это не шарж, а зло. Клавдия Шульженко».

А какие хорошие слова подарила мне любимая народная артистка:

«Верьте всегда, Слава, в хорошее, чистое, светлое, берегите вашу веру в большое искусство — в этом настоящее счастье. Елена Гоголева. 1962 г.».

Более ста пятидесяти писем, открыток, телеграмм Гоголевой храню я в своем архиве. Есть и книга ее воспоминаний с такой трогательной надписью:

«В память многолетней дружбы дорогому Вячеславу Ильичу, а по-старому, доброму, хорошему—Славе Жучкову — первый экземпляр моего первого труда. Хорошо иметь таких друзей, и пусть еще долго длится наша дружба. Елена Гоголева, 22 августа 1985 г.».

Великая балерина нашего столетия Майя Михайловна Плисецкая всегда была предметом моих восторгов. В 1964 году я послал Плисецкой в Москву поздравление с присуждением ей Ленинской премии. В 1977 году, когда она приехала в наш город, я подошел к ней уже вроде как знакомый. Ссылаясь на книгу Мариса Лиепы «Я хочу танцевать сто лет», я и выпалил: мол, и вам того же желаю. Плисецкая снисходительно улыбнулась, а в альбоме написала: «Спасибо за пожелание, танцевать можно — смотреть нельзя».

Не пропустил ни одного выступления Святослава Теофиловича Рихтера в Нижнем, начиная с 50-х годов. И каждый концерт был потрясением! Сначала, как водится, я послал ему письмо с просьбой написать несколько слов на фото, вырезанном мною из «Огонька». Маэстро вскоре вернул фотографию с надписью: «С удовольствием выполняю вашу просьбу. Всего вам хорошего! С. Рихтер. 28.07. 68 г.».

А спустя восемнадцать лет началось грандиозное турне прославленного пианиста через всю страну — от Москвы до Дальнего Востока. Путь проходил и через наш Нижний, где маэстро дал три концерта, ставших, естественно, незабываемыми событиями в нашей культурной жизни. Потом была трудная и длительная поездка по стране, гастроли в Японии... И несмотря на занятость, до предела заполненную жизнь, маэстро находит время, чтобы написать одному из своих верных слушателей: «Милый Вячеслав! Спасибо за ваши приветы с Волги. Я их застал, вернувшись из Японии. Спасибо за вашу верность...

Посылаю вам фото с моего портрета (по-моему, удачного), сделанного во время «Декабрьских вечеров» художником А. Тамбиевым. Желаю вам только хорошего — счастья и радости.

Привет вашей маме. Ваш Святослав Рихтер».

Листаю страницы альбома, перечитываю надписи и понимаю, что общения с искусством этих великих мастеров были самыми счастливыми мгновениями в моей жизни.

В. ЖУЧКОВ.
НИЖНИЙ НОВГОРОД.

Страницу подготовила Г. УЖОВА.